

А. П. ЧЕХОВ
БЕЛОЛОБЫЙ

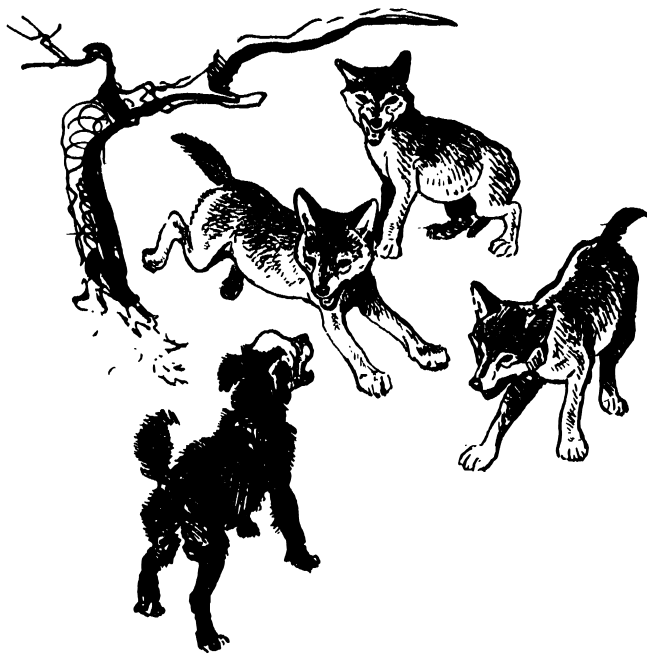
ДЕТГИЗ • 1955

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

А. П. ЧЕХОВ

БЕЛОЛОБЫЙ

РАССКАЗЫ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955

Летом 1954 года исполнилось пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Анто́на Па́вловича Че́хова. Это событие отméтила вся Советская страна́. Ведь Че́хов оди́н из са́мых любя́мых писателей советского наро́да. Его́ ра́вно любя́т и чита́ют все во́зрасты. Рассказы Че́хова встреча́ют нас на поро́ге шко́лы, когдá мы ещё то́лько учимся скла́дывать бу́квы в слова́, и провожа́ют до конца́ жи́зни.

Че́хов про́жил недолгую жизнь: всего́ со́рок четы́ре го́да. Но благода́ря своему́ грома́дному тала́нту и неиссяка́емому трудолю́бию он успе́л очень мно́го сде́лать для родно́го наро́да. Оди́х рассказов написа́л он не́сколько сот. Стои́т раскры́ть любо́й из э́тих рассказов — и жизнь, уже́ отоше́дшая, вновь ожива́ет перед на́ми, подхо́дит вплотnúю к на́шим глаза́м, к на́шему се́рдцу. В рассказах Че́хова живу́т и де́йствуют ты́сячи люде́й. И мы не то́лько наблюда́ем их жизнь, нет — мы ра́дуемся и печа́лимся вме́сте с ни́ми, сме́емся и пла́чем, лю́бим и ненави́дим.

Че́хов жил в тру́дное и жесто́кое вре́мя, когдá большинствó люде́й на́шей страны́ влачи́ли нищенское существова́ние, бы́ли за́няты непоси́льным трудо́м, не зна́ли ни сча́стья, ни свобо́ды, ни просвеще́ния. Че́хов любя́л люде́й, жале́л их, ве́рил в них и потому́ ненави́дел и презира́л тех, кто меша́л лю́дям быть счастли́выми. В своих рассказах он учи́т и нас любя́ть пра́вду, добро́, красоту́, сме́лость и ненави́деть ложь, тру́сость, жесто́кость, неве́жество.

Чехов много писал о детях, ему были близки и понятны их большие и малые горести и радости. Вот, например, рассказ «Беглец», одинаково интересный для взрослых и для детей. Почти семьдесят лет прошло с тех пор, как Чехов написал этот рассказ, но и сейчас нельзя без волнения читать о горестных переживаниях мальчика Пашки.

Читатель, переживший заодно с Пашкой и его тоску по матери, и больничные страхи, и, главное, горькую обиду на обманувшего его доктора, твердо решил про себя: нет, никогда не надо говорить неправду, даже с добрым намерением, как это сделал доктор...

А вот другой рассказ, «Мальчики». Два школьника, Володя и его друг Чечевичын, начитались приключенческих книг и решили бежать из дому в далекие страны. В решительный момент Володя струсил, и Чечевичын долго срамял его, пока не уговорил бежать. Они бегут, но неудачно: через два дня их поймали и вернули обратно.

Этих мальчиков уже не забудешь: так отчетливо изобразил Чехов их характеры.

Чехов любил не только людей, но и всё живое. Кто не знает его чудесного рассказа об учёной собаке Каштанке! Не менее трогателен и рассказ о маленьком щенке Белолобом. Белолобый дважды спас ягнят от волчицы, но вместо благодарности хозяин, старый Игнат, больно оттрепал Белолобого за уши...

Бедный, славный Белолобый, и его постигла горькая участь всех слабых в том жестоком мире, который описывает Чехов в своих рассказах!

Творения великого русского писателя Чехова, полные жизненной правды, бесконечной любви к человеку и веры в его высокое назначение, будут жить века и века — пока звучит на земле прекрасная русская речь.

Юрий Нагибин

Б Е Л О Д О В Ы Й

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Её волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она оближала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная¹; она вздрагивала от малейшего шума и всё думала о том, как бы дома без неё кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и тёмная унавóженная дорога пугали её; ей казалось, будто за деревьями в потёмках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молодá, и чутьё у неё ослабело, так что, случáлось, лисий след она принимáла за собáчий и

¹ М н и т е л ь н а я — видящая во всём опасность, подозрительная.

иногда даже, обманутая чутьём, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятami, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у неё детей или забиралась к мужикам в хлев ¹, где были ягнята.

В верстах четырёх ² от её лóговища, у почтовой дороги ³, стояло зимовье ⁴. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который всё кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днём бродил по лесу с ружьём-однотолкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: «Стоп, машина!» — и, прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нём находилась громадная чёрная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забежала далеко вперёд, то он кричал ей: «Задний ход!» Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошёл с рельсов!»

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки ⁵, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей слышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Её мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягнёнка, и от таких мыслей зубы у неё щёлкали и глаза светились в потёмках, как два огонька. Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены

¹ В хлев (хлев) — в помещение для скота.

² В верстах четырёх; верста — старинная русская мера длины, немного более километра.

³ У почтовой дороги; почтовая дорога — в старину так называли дорогу, по которой возили почту, а также ходили пассажирские конные экипажи.

⁴ Зимовье — место или помещение, где живут зимой.

⁵ Две ярки (ярка) — две молодые овцы.

высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем. По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на неё вдруг прямо в морду пахнуло тёплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Вниз, почувствовав холод, нежно заблеял ягненок. Пригнув в дыру, волчиха упала передними лапами, и в это время в хлеву что-то завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском; овцы шаркнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила что первое попало в зубы и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, и в это время Арапка, уже чувствуя вольку, неистово¹ выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошёл к свистку!

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу всё это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что её добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягненок, а щенок, чёрный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам², это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни в чём не бывало³, замахал хвостом и залаял на волчицу. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щёлкнула зубами; он остановился в недоумении⁴ и, ве-

¹ Неистово — сильно, безудержно.

² Судя по манерам (манера) — судя по поведению.

³ Как ни в чём не бывало (разговорн.) — как будто бы ничего не случилось, не произошло.

⁴ В недоумении (недоумение) — в нерешительности.

роятно, решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким, радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

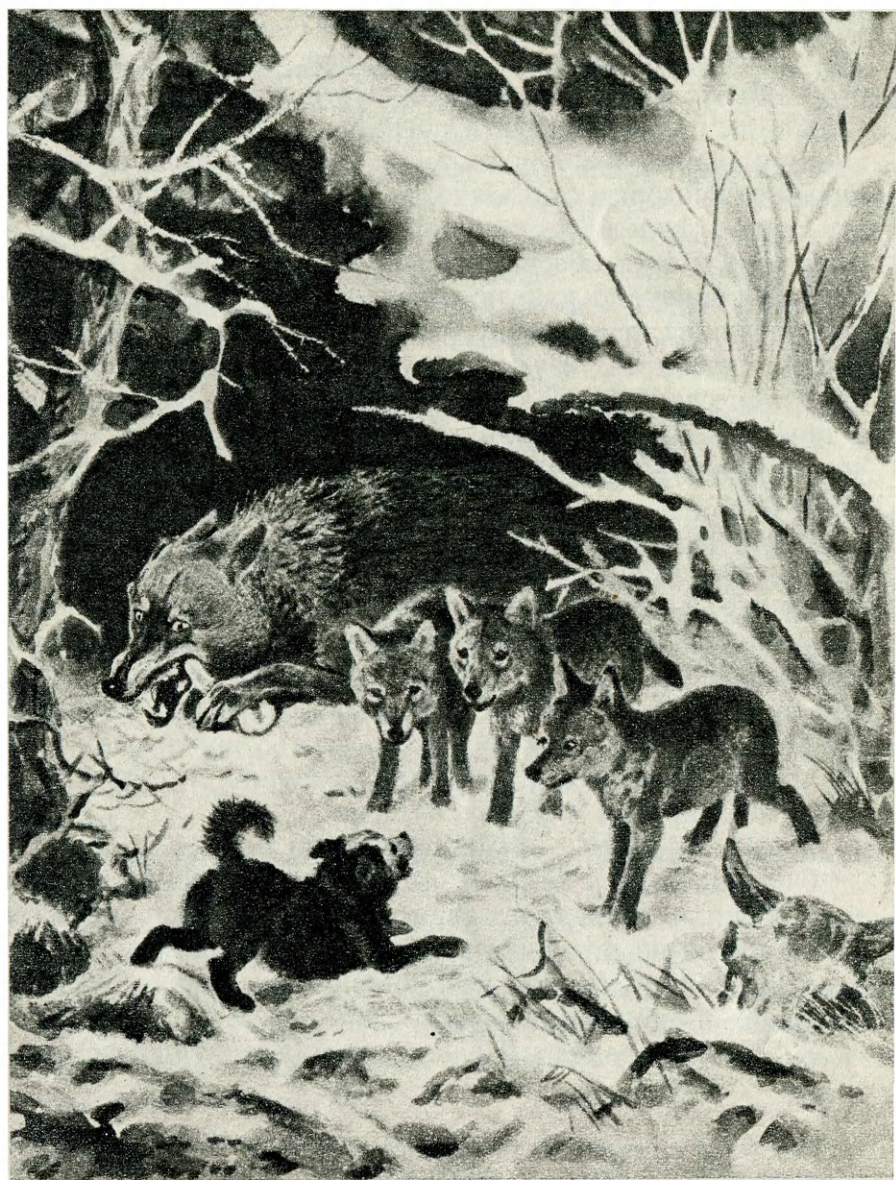
«Зачем это он бежит за мной? — думала волчиха с досадой. — Должно быть, он хочет, чтобы я его съела».

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне ее были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись, и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он все стоял поодаль и лалял. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрощенного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его. Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту¹. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроем напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными². Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала: «Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повиыл немного с голоду, потом тоже растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлую ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она все щёлкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съём-ка его...» — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул её в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былые времена она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушёл домой.

¹ По насту (наст) — по твёрдой коре на снегу, которая образуется после тёплой погоды зимой или ранней весной.

² Изумрудными (изумрудный) — яркозелёными; изумруд — драгоценный прозрачный камень яркозелёного цвета.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и её пугали пни, дрова, тёмные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то тёмное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло вперёд, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая всё в сторону¹, обогнала тёмное пятно, оглянулась на него и узнала. Это не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», — подумала волчиха и быстро побежала вперёд.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слёги². Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идёт ли щенок, но едва пахнуло на неё тёплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял ещё громче... Арапка проснулась под сараем и, почуввав волка, завыла, закудхтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюить! — засвистёл Игнат. — Фюить! Гоня на всех парях!

Он спустил курок — ружьё далось осечку³; он спустил ещё раз — опять осечка; он спустил в третий раз — и громадный огненный снап вылетел из ствола, и раздалось оглушительное «бу, бу!» Ему сильно отдало в плечо; и, взявши в одну руку ружьё, а в другую топор, он пошёл посмотреть, отчего шум...

¹ Забирая всё в сторону — идя стороной.

² Слёги — толстые жёрди, шесты.

³ Далось осечку (дать осечку) — не выстрелило.

Немного погодя он верну́лся в избѹ.

— Что там? — спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

— Ничего... — отвѣтил Игна́т. — Пустое де́ло. Повалился наш Белоло́бый с овцами спать в тепле́. То́лько нет того́ поня́тия, что́бы в дверь, а норови́т ¹ всё как бы в крышу. Наме́дни ² но́чью разобрал крышу и гуля́ть ушёл, подле́ц, а тепе́рь верну́лся и о́пять повороши́л крышу.

— Глу́пый.

— Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю́ ³ глупых! — вздохну́л Игна́т, полеза́я на печь. — Ну, бо́жий челове́к, ра́но ещё встава́ть, дава́й спать по́льным хо́дом...

А у́тром он подозва́л к себѣ Белоло́бого, бо́льно оттрепа́л его́ за уши и пото́м, нака́зывая его́ хворосто́йной, всё приговора́ривал:

— Ходи́ в дверь! Ходи́ в дверь! Ходи́ в дверь!

¹ Норови́т (норови́ть; разгово́рн.) — насто́йчиво стреми́тся.

² Наме́дни (просторе́ч.) — совсе́м неда́вно, на дня́х.

³ Смерть не люблю́ (разгово́рн.) — здесь: о́чень не люблю́.

Б Е Г Л Е Ц

Это была длинная процедура¹. Сначала Пáшка шёл с матерью под дождём, то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли жёлтые листья, — шёл до тех пор, пока не рассвело. Потом он часа два стоял в тёмных сенях² и ждал, пока отпрут дверь. В сенях было не так холодно и сыро, как на дворе, но при вётре и сюда залетали дождевые брызги. Когда сени мало-помалу битком набились³ народом, стиснутый Пáшка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло солёной ры-

¹ Это была длинная процедура — здесь: это длилось долго.

² В сенях; сени — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

³ Битком набились народом (битком набить; разговорн.) — здесь: нашло очень много народа.

бой, и вздремнул. Но вот щёлкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка с матерью вошёл в приёмную. Тут опять пришлось долго ждать. Все больные сидели на скамьях, не шевелились и молчали. Пашка оглядывал их и тоже молчал, хотя видел много странного и смешного. Раз только, когда в приёмную, подпрыгивая на одной ноге, вошёл какой-то парень, Пашке самому захотелось так же попрыгать. Он толкнул мать под локоть, приснул в рукав и сказал:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дётка, молчи! — сказала мать.

В маленьком окошечке показался заспанный фельдшер¹.

— Подходи записываться! — пробасил он.

Все, в том числе и смешной подпрыгивающий парень, потянулись к окошечку. У каждого фельдшер спрашивал имя и отчество, летá, местожительство, давно ли болен и пр. Из ответов своей матери Пашка узнал, что его зовут не Пашкой, а Павлом Галактионовым, что ему семь лет, что он неграмотен и болен с самой пасхи².

Вскоре после записывания нужно было ненадолго встать: через приёмную прошёл доктор в белом фартуке и подпоясанный полотёнцем. Проходя мимо подпрыгивающего парня, он пожал плечами и сказал певучим тенором³:

— Ну, и дурак! Что ж, разве не дурак? Я велел тебе прийти в понедельник, а ты приходишь в пятницу. По мне, хоть вовсе не ходи, но ведь, дурак этакой, нога пропадёт!

Парень сделал такое жалостное лицо, как будто собрался просить милостыню, заморгал и сказал:

— Сделайте такую милость, Иван Миколаич!

— Тут нечего — Иван Миколаич! — передразнил доктор. — Сказано — в понедельник, и надо слушаться. Дурак, вот и всё...

Началась приёмка. Доктор сидел у себя в комнатке и

¹ Фельдшер — помощник доктора.

² С самой пасхи; пасха — весенний церковный праздник.

³ Тенором; тенор — высокий (тонкий, звонкий) мужской голос.

выклика́л больны́х по оче́реди. То и де́ло из ко́мнатки слы́шались пронзительные во́пли, де́тский плач и́ли се́рдитые во́згласы до́ктора:

— Ну, что орёшь? Ре́жу я теб́я, что ли? Сиди́ смíрно! На́ста́ла оче́редь Па́шки.

— Па́вел Галактио́нов! — крикнул до́ктор.

Ма́ть обомле́ла¹, то́чно не ждала́ э́того во́зова, и, взяв Па́шку за́ руку, повела́ его́ в ко́мнату. До́ктор сиде́л у сто́ла и маши́нально сту́чал по то́лстой кни́ге молото́чком.

— Что бо́лит? — спроси́л он, не гля́дя на воше́дших.

— У парни́шки боля́чка на ло́кте, ба́тюшка, — отве́тила ма́ть, и ли́цо её при́няло тако́е выра́жение, как бу́дто она́ в са́мом де́ле ужа́сно опе́ча́лена Па́шкиной боля́чкой.

— Разде́нь его́!

Па́шка, пыхтя́, распу́тал на ше́е плато́к, пото́м вы́тер рукаво́м нос и стал не спеша́ ста́скивать тулу́пчик.

— Ба́ба, не в го́сти пришла́! — сказа́л се́рдито до́ктор. — Что во́зишься? Ве́дь ты у меня́ не одна́ тут!

Па́шка торопли́во сброси́л тулу́пчик на зе́млю и с по́мощью ма́тери снял руба́ху. До́ктор лени́во погляде́л на него́ и похло́пал его́ по го́лому живото́у.

— Ва́жное, брат Па́шка, ты себе́ пу́зо отрасти́л, — сказа́л он и вздохну́л. — Ну, пока́зывай свой ло́коть.

Па́шка покоси́лся на таз с крова́ными помо́ями, погляде́л на до́кторский фа́ртук и запла́кал.

— Ме-е! — передразни́л до́ктор. — Же́нить пора́ баловни́ка, а он реве́т! Бессове́стный.

Стара́ясь не пла́кать, Па́шка погляде́л на ма́ть, и в э́том его́ взгля́де была́ напи́сана про́сьба: «Ты же не расска́зывай до́ма, что я в больни́це пла́кал!»

До́ктор осмо́трел его́ ло́коть, подави́л, вздохну́л, чмо́кнул губа́ми, пото́м о́пять подави́л.

— Бить теб́я, ба́ба, да не́кому, — сказа́л он. — Отче́го ты ра́ньше его́ не приводи́ла? Рука́-то ве́дь пропа́щая! Гляди́-кась, ду́ра, ве́дь э́то сустáв бо́лит!

— Вам лу́чше знать, ба́тюшка... — вздохну́ла ба́ба.

¹ Обомле́ла (обомлеть) -- растеря́лась от неожида́нности.

— Батьюшка... Сгноила парню руку, да тепёрь и батьюшка. Какой он работник без рук? Вот век целый и будешь с ним нянчиться. Небось, как у самой прыщ на носу вскочит, так сейчас же в больницу бежишь, а мальчишку полгода гноила. Все вы такие!

Доктор закурил папироску. Пока папироска дымилась, он распекал¹ бабу и покачивал головой в такт песне, которую напевал мысленно, и всё думал о чём-то. Голый Пашка стоял перед ним, слушал и глядел на дым. Когда же папироска потухла, доктор встрепенулся и заговорил тоном ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тут не поможешь. Надо его в больнице оставить.

— Ежели² нужно, батьюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцию сделаем. А ты, Пашка, оставайся, — сказал доктор, хлопая Пашку по плечу. — Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлюли малина!³ Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедем! А? Хочешь? А мать за тобой завтра придет! А?

Пашка вопросительно посмотрел на мать.

— Оставайся, дётка! — сказала та.

— Остаётся, остаётся! — весело закричал доктор. — И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поедем вместе на ярмарку⁴ леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его навёрх!

Доктор, повидимому весёлый и покладистый⁵ малый, рад был компании; Пашка захотел уважить его, тем более, что отродясь не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, но как обойтись без матери? Подумав немного, он решил попросить доктора оставить в больнице и

¹ Распекал (распечь; разговорн.) — ругал, бранил.

² Ежели (старинн.) — если.

³ Разлюли малина (простореч.) — очень хорошо, привольно.

⁴ На ярмарку; ярмарка — периодически устраиваемый съезд торговцев для продажи и закупки товаров.

⁵ Покладистый (разговорн.) — уступчивый, сговорчивый.

мать, но не успёл он раскрыть рта, как фельдшерница уже вела его вверх по лестнице. Шёл он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки — всё громадное, прямое и яркое — были выкрашены в великолепную желтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы, тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живётся очень недурно.

Палата была невелика и состояла только из трёх кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидел какой-то старик с кислыми¹ глазами, который всё время кашлял и плевал в кружку. С Пашкиной кровати видна была в дверь часть другой палаты с двумя кроватями: на одной спал какой-то очень бледный, тощий человек с каучуковым² пузырём на голове; на другой, расставив руки, сидел мужик с повязанной головой, очень похожий на бабу.

Фельдшерница, усадив Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа в охапке кучу одежды.

— Это тебе, — сказала она. — Одевайся.

Пашка разделся и не без удовольствия стал облачаться в новое платье. Надевши рубашу, штаны и серый халатик, он самодовольно оглядел себя и подумал, что в таком костюме недурно бы пройти по деревне. Его воображение рисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросёнка капустных листьев; он идёт, а мальчишки и девчонки окружили его и с завистью глядят на его халатик.

В палату вошла сиделка³, держа в руках две деревянных миски, ложки и два куса хлеба. Одну миску она поставила перед стариком, другую — перед Пашкой.

— Ешь! — сказала она.

¹ С кислыми (кислый) — здесь: с безжизненными, безразличными.

² С каучуковым (каучуковый) — из каучука — вещества, из которого изготавливается резина.

³ Сиделка — няня, ухаживающая за больными.

Взглянуv в мйску, Пйшкa увидел жйрные щи, а в щах кусок мяса. И опйть подумал, что доктору живётся очень недурно и что доктор вoвсе не так сердйт, как показйлся сначала. Дoлго он ел щи, облизывая после кйждого хлебкй лoжку; потом, когда, кроме мяса, в мйске ничего не oсталось, покосйлся на старикй и позавидовал, что тот всё ещё хлебйет. Со вздохом он принялся за мясо, старйясь есть его возможно дoльше, но старйния его ни к чему не привели: скоро исчёзло и мясо. Oстался только кусок хлеба. Невкусно есть одйн хлеб без приправы, но дёлать было нёчего. Пйшкa подумал и съел хлеб. В ёто время вошлй сидёлка с нoвыми мйсками. На ётот раз в мйсках было жаркое с картофелем.

— А где же хлеб-то? — спросила сидёлка.

Вместо отвёта Пйшкa надул щёки и выдыхнул вoздух.

— Ну, зачём сожрал? — сказала укорйзненно¹ сидёлка. — А с чем же ты жаркое есть будёшь?

Она вышлa и принесла нoвый кусок хлеба. Пйшкa отродйсь не ел жареного мяса и, испробовав его тепёрь, нашёл, что оно очень вкусно. Исчёзло оно бйстро, и после него oстался кусок хлеба бoльше, чем после щей. Старйк, пообедав, спрйтал свой oставшийся хлеб в столик; Пйшкa хотёл сделать то же самое, но подумал и съел свой кусок.

Наёвшись, он пошёл прогуляться. В соседней палате, кроме тех, кoтoрых он видел в дверь, находилось ещё чётйре человека. Из них только одйн обратйл на себя его внимйние. Это был высoкий, крййне исхудалый мужйк с угрюмым волосатым лицом; он сидёл на кровати и всё время, как маятником, кивал головой и махал правой рукой. Пйшкa дoлго не отрывал от него глаз. Сначала маятничкообразные, мёрные кивйния мужикй казались ему курьёзными², производимыми для oбщей потёхи, но когда он вглядёлся в лицо мужикй, ему стало жутко, и он пoнял, что ётот мужйк нестерпимо болен. Пройдя в третью палату, он увидел двух мужйков с темнокрасными лицами, точно вымазанными глиной.

¹ Укорйзненно — с укором, с упрёком.

² Курьёзными (курьёзный) — забавными, смешными.

Онѣ неподвижно сидѣли на кроватяхъ и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ¹.

— Тётка, зачѣмъ онѣ такіе? — спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, вѣспа².

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка селъ на кровать и сталъ дожидаться дѣктора, чтобы идти съ нимъ ловить чижейъ или ѣхать на ярмарку. Но дѣкторъ не шѣлъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ ненадолго фѣльдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мешокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фѣльдшер махнулъ рукой и ушѣлъ. Въ ожиданіи дѣктора Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ не переставая кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашке понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя вѣздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дедъ, что это у тебя свиститъ? — спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Пашка подождѣлъ немного и спросилъ:

— Дедъ, а где лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Где жъ ей быть? Въ лесу!

Прошло много времени, но дѣкторъ всё ещё не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ ещё разъ фѣльдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а дѣкторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижейъ; Пашка растянулся на постѣли и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные дѣкторомъ, лицо и голосъ матери, потѣмки въ своей избѣ, пѣчку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ

¹ На языческихъ божковъ; язычество — одинъ изъ видовъ религии.

² Вѣспа — правильно: ѡспа.

скучно и грустно. Вспомнил он, что завтра мать придёт за ним, улыбнулся и закрыл глаза.

Его разбудил шорох. В соседней палате кто-то шагал и говорил полушопотом. При тусклом свете ночников и лампад¹ возле кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесём с кроватью аль² так? — спросила одна из них.

— Так. Не пройдёшь с кроватью. Эка³, помер не вовремя, царство небесное!

Один взял Михайлу за плечи, другой — за ноги, и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли в воздухе. Третий — это был мужик, похожий на бабу, — закрестился, и все трое, беспорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлы, пошли из палаты.

В груди спавшего старика раздавались свист и разноголосое пение. Пашка прислушался, взглянул на тёмные окна и в ужасе вскочил с кровати.

— Ма-а-ма! — простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату. Тут свет лампадки и ночника еле-еле прояснял потёмки: больные, потревоженные смертью Михайлы, сидели на своих кроватях; мешаясь с тенями, всклокоченные, они представлялись шире, выше ростом и, казалось, становились всё больше и больше; на крайней кровати в углу, где было темнее, сидел мужик и кивал головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он потом опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз. Тут он узнал приёмную, в которой сидел утром, и стал искать выходной двери.

¹ Л а м п а д (лампада) — наполненных маслом сосудов с фитилём, зажигаемых перед иконами.

² А л ь (простореч.) — или.

³ Э к а (простореч.) — здесь: восклицание, означающее досаду.

Задвѣжка щёлкнула, пахнул холодный ветер, и Пашка, спотыкаясь, выбежал на двор. У него была одна мысль — бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побежит, то непременно очутится дома, у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками светила луна. Пашка побежал от крыльца прямо вперёд, обогнул сарай и наткнулся на густые кусты; постояв немного и подумав, он бросился назад к больнице, обошёл её и опять остановился в нерешимости: за больничным корпусом белели могильные кресты.

— Ма-амка! — закричал он и бросился назад.

Пробегая мимо тёмных, суровых строений, он увидел одно освещённое окно. Яркое, красное пятно в потёмках казалось страшным, но Пашка, обезумевший от страха, не знаящий, куда бежать, повернул к нему. Рядом с окном было крыльцо со ступеньками и парадная дверь с белой дощечкой; Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел весёлого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья, Пашка протянул к знакомому лицу руки, хотел крикнуть, но невёдомая сила сжала его дыхание, ударила по ногам; он покачнулся и без чувств повалился на ступени.

Когда он пришёл в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорил возле него:

— Ну, и дурак, Пашка! Разве не дурак? Бить бы тебя, да некому.

МАЛЬЧИКИ

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

— Володичка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую. — Ах, боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие рózвальни¹, и от трóйки бёлых лошадей шёл густой туман. Сани были пúсты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пáльцами развя́зывал башлы́к². Его гимназическое пальто³, фура́жка, кало́ши и во́лосы на виска́х были покрыты инеем, и весь он от головы до ног издавал такой вкúсный морóзный за́пах, что, глядя на него, хотéлось озябнуть и сказа́ть: «бррр!» Мать и тётка бросились обнимать и целовать его, Наталья повалилась к его ногам и начала стáскивать с него ва́ленки, сёстры по́дняли визг, двёри скрипéли, хлопали, а отец Володи в

¹ Рóзвальни — низкие и широкие сани.

² Башлы́к — тёплый головной убо́р, надева́емый ча́ще пове́рх ша́пки.

³ Гимназическое пальто́ — фо́рменное пальто́, кото́рое носили учени́ки гимна́зии (сре́днего уче́бного заведе́ния в дореволюцио́нной Росси́и).

одной жилётке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал испуганно:

— А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошó доехал? Благополучно? Господи бóже мой, да дайте же ему с отцом поздороваться! Что я, не отец, что ли?

— Гав! Гав! — ревел басом Милóрд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и по мебели.

Всё смешалось в один сплошной, радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что, кроме Володы, в передней находился ещё один маленький человек, окутанный в платки, шали и башлык и покрытый инеем; он неподвижно стоял в углу, в тени, бросаемой большой лисьей шубой.

— Володичка, а это же кто? — спросила шопотом мать.

— Ах! — спохватился Володя. — Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевичын, ученик второго класса... Я привёз его с собой погостить у нас...

— Очень приятно, милости просим, — сказал радостно отец. — Извините, я по-домашнему, без сюртука...¹ Пожалуйста! Наталья, помогите господину Черепицыну раздеться! Господи бóже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевичын, ошеломлённые шумной встречей и всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их озёбших телах, не желая уступать друг другу, щекались тепло и мороз.

— Ну вот, скоро и рождество!² — говорил нараспев отец, крутя из темнорыжего табаку папиросу. — А давно ли было лето и мать плакала, тебя провожая? Ан³ ты и приехал... Время, брат, идёт быстро! Ахнуть не успеешь,

¹ Без сюртука; сюртук — старинная верхняя мужская одежда.

² Рождество — зимний церковный праздник.

³ Ан (простореч.) — здесь: но вот.

как старость придёт. Господин Чибисов, кушайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи: Катя, Соня и Маша — самой старшей из них было одиннадцать лет — сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевичын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нём не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек. Он о чём-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чём-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что и Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вовсе не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сёстрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

— А в Калифорнии¹ вместо чаю пьют джин².

Он тоже был занят какими-то мыслями, и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевичыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что

¹ В Калифорнии; Калифорния — один из штатов США.

² Джин (джин) — хлебную водку.

оні тупы. Мамáша вбегáла в дётскую с óчень озабóченным лицóм и спрашивала:

— Кто взял мой нóжницы? Опáть ты, Ивáн Николáич, взял мой нóжницы?

— Гóсподи бóже мой, дáже нóжниц не даёт! — отвечáл плáчушим гóлосом Ивáн Николáич и, сткíнувшись на спíнку стóла, принимáл пóзу оскорблённого человекá, но чéрез минúту опáть восхищáлся.

В предыдúщие свой приéзды Волóдя тóже занимáлся пригото́влениями для ёлки и́ли бегал на двор поглядéть, как кúчер и пастúх дéлали снеговúю гóру, но тепérь он и Чечевíцын не обратíли никакóго внимáния на разноцвётную бума́гу и ни рáзу дáже не побывáли в коню́шне, а сéли у окнá и стáли о чём-то шептáться; потóм онí óба вмéсте раскрыли географíческий áтлас и стáли рассмат́ривать какúю-то кáрту.

— Сначáла в Пермь... — тíхо говорíл Чечевíцын... — оттúда в Тюмéнь... потóм Томск... потóм... потóм... в Камчáтку... Отсúда самоёды¹ перевезúт на лóдках чéрез Бёрингов пролív... Вот тебé и Амéрика... Тут мнóго пушнýх зверей.

— А Калифóрния? — спросíл Волóдя.

— Калифóрния нíже... Лишь бы в Амéрику попáсть, а Калифóрния не за горáми. Добывáть же себé пропитáние мóжно охóтой и грабежóм.

Чечевíцын весь день сторóнилсá дéвочек и глядél на них исподлóбья. Пóсле вечérнего чáя случíлось, что его минúт на пять остáвили одногó с дéвочками. Нелóвко было молчáть. Он сурóво кáшлянул, потёр прáвой ладóнью лéвую рúку, поглядél угрúмо на Кáтю и спросíл:

— Вы читáли Майн-Рíда? ²

— Нет, не читáла... Послúшайте, вы умéете на конькáх катáться?

Погружённый в свой мýсли, Чечевíцын ничегó не

¹ Самоёды (самоёд) — дореволюционное, тепérь не употребляемое назвáние нёнцев и нéкоторых другíх сéверных нарóдов.

² Майн-Рíда; Майн-Рид (1818—1883) — английскíй писáтель, áвтор приключénческих ромáнов из америкáнской жízни.

отвѣтил на этот вопрос, а только сильно надул щѣки и сдѣлал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он ещё раз поднял глаза на Катью и сказал:

— Когда стадо бизонов¹ бежит через пампасы², то дрожит земля, а в это время мустанги³, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевичын грустно улыбнулся и добавил:

— А также индейцы нападают на поезд. Но хуже всего это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господин Чечевичын.

— Нет. Я Монтигемо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядѣла на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

— А у нас чечевичу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевичына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, — всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги всё было готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации⁴. Во-

¹ Бизонов (бизон) — американских диких быков.

² Через пампасы; пампасы — степи в Южной Америке.

³ Мустанги — дикие лошади в степях Северной и Южной Америки.

⁴ Плантации; плантация — здесь: поле, большой участок земли.

лѳдя и Чечевіцын говоріли и в увлеченіи перебивали друг друга. Себѳ Чечевіцын называл при этом так: «Монтигѳмо Ястребіный Кѳготь», а Волѳдю — «бледнолицый брат мой».

— Ты смотри же, не говори маме, — сказала Катѳ Сѳне, отправляясь с ней спать. — Волѳдя привезет нам из Амѳрики зѳлота и слѳновой кѳсти, а есѳли ты скажешь маме, то егѳ не пѳстят.

Наканѳне сочѳльника¹ Чечевіцын цѳлый день рассматривал картѳ Ази и чтѳ-то записывал, а Волѳдя, тѳмный, пѳхлый, как укушенный пчелѳй, угрюмо ходил по комнатам и ничегѳ не ел. И раз дѳже в дѳтской он остановился перед икѳной, перекрестился и сказал:

— Гѳсподи, прѳсти меня грѳшного! Гѳсподи, сохрани мою бѳдную, несчѳстную мамѳ!

К вѳчеру он расплакался. Идѳ спать, он дѳлго обнимал отцѳ, мать и сестѳр. Катѳ и Сѳня понимали, в чѳм тут дѳло, а млѳдшая, Мѳша, ничегѳ не понимала, решительно ничегѳ, и тѳлько при взгляде на Чечевіцына задѳмывалась и говорила со вздѳхом:

— Когда пост², няня говорит, надѳ кушать горѳх и чечевіцу.

Рѳно ѳтром в сочѳльник Катѳ и Сѳня тѳхо поднялись с постѳлей и пошли посмотреть, как мѳльчики бѳдут бежать в Амѳрику. Подкрались к двѳри.

— Так ты не поѳдешь? — сердито спрашивал Чечевіцын. — Говорѳ: не поѳдешь?

— Гѳсподи! — тѳхо плакал Волѳдя. — Как же я поѳду? Мне мамѳ жалко.

— Бледнолицый брат мой, я прошѳ тебя, поѳдем! Ты же уверѳл, что поѳдешь, сам меня сманил, а как ѳхать, так вот и струсил.

— Я... я не струсил, а мне... мне мамѳ жалко.

— Ты говори: поѳдешь ѳли нет?

— Я поѳду, тѳлько... тѳлько погодѳ. Мне хѳчется дѳма пожить.

¹ Сочѳльника; сочѳльник — день наканѳне рѳждествѳ.

² Пост — время, когда верующие не едят мясной и молѳчной пищи.

— В таком случае, я сам поеду! — решил Чечевичин. — И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мой пистоны!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Так ты не поедешь? — ещё раз спросил Чечевичин.

— По...поеду.

— Так одевайся!

И Чечевичин, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал, как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький, смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами, полными слёз, сказала:

— Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую¹, в конюшню, во флигель² к приказчику — там их не было. Послали в деревню — и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Бóже, какая поднялась суматоха!

На другой день приезжал урядник³, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валыл пар.

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

¹ В людскую (людская) — в помещение для слуг.

² Во флигель; флигель — небольшой дом, стоящий во дворе главного здания, или пристройка к главному зданию.

³ Урядник — здесь: нижний чин царской уездной (районной) полиции.

— Волóдичка приéхали! — завопи́ла Натáлья, вбегáя в столóвую.

И Милóрд залáял бáсом: «гав! гав!» Ока́зало́сь, что ма́льчиков задержа́ли в го́роде, в Гости́ном дворе́¹ (там о́ни ходи́ли и всё спра́шивали, где продаётся по́рох). Волóдя как вошёл в пере́дную, так и зарыда́л и бро́сился ма́тери на шею. Де́вочки, дрожа́, с у́жасом ду́мали о том, что те́перь бу́дет, слы́шали, как папа́ша пове́л Волóдю и Чечеви́цына к себё в кабинéт и до́лго там говори́л с ни́ми: и ма́ша то́же говори́ла и пла́кала.

— Ра́зве э́то так мо́жно? — убежда́л папа́ша. — Не дай бог, узна́ют в гимна́зии, вас исклю́чат. А вам сты́дно, господи́н Чечеви́цын! Нехорошо́-с! Вы зачй́нщик, и, наде́юсь, вы бу́дете нака́заны ва́шими роди́телями. Ра́зве э́то так мо́жно? Вы где ночевáли?

— На вокза́ле! — го́рдо отве́тил Чечеви́цын.

Волóдя потóм лежа́л, и ему́ к голове́ прикла́дывали полóтенце, смóченное в у́ксусе. Посла́ли куда́-то телегра́мму, и на друго́й день приéхала да́ма, мать Чечеви́цына, и увезла́ своего́ сы́на.

Когда́ уезжа́л Чечеви́цын, то лицо́ у него́ бы́ло суро́вое, надме́нное, и, проща́ясь с де́вочками, он не сказа́л ни одно́го сло́ва; то́лько взял у Ка́ти тетра́дку и написа́л в знак па́мяти:

„МОНТИГОМО ЯСТРЕВИНЫЙ КОГОТЬ“

¹ В Гости́ном дворе́; Гости́нный двор — старинное торго́вое помеще́ние, где находи́лись разли́чные магази́ны.

СОДЕРЖАНИЕ

Белолобый (рис. Г. Никольского)	5
Беглец (рис. Т. Шишмарёвой)	13
Мальчики (рис. Т. Шишмарёвой)	23

Обложка Г. Никольского

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ч Е Х О В А. П.

Белолобый

Ответственный редактор И. В. Пахомова. Художественный редактор Г. С. Вебер.
Технический редактор Д. Ф. Пчелкина. Корректоры Н. В. Белякова и
Е. И. Вильтер.

Сдано в набор 14/XII 1954 г. Подписано к печати 14/I 1955 г. Формат 65 × 92¹/₁₆ — 2=2,17 печ. л.
(1,5 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. А01132. Заказ № 1439.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер. 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 55 коп.